

КНИГА

Литературный некролог.

В июле 2000 года исполнится 100 лет со дня рождения русской по происхождению французской писательницы Натали Саррот (Натали Черняк из города Иваново). До юбилея писательница не дожидая девяти месяцев: 19 октября 1999 года скончалась. Петербургский «ИНАПРЕСС» выпустил книгу Натали Саррот в этом году еще при ее жизни. В сборник вошли два произведения 1995 и 1997 годов: «Здесь» и «Откройте». Великолепный (по оценкам экспертов, которым я доверяю) перевод Ирины Кузнецовой, переведенная с французского на русский игра в слова и фразеологизмы, согласованная с самим знаменитым автором, классиком «нового романа». Можно было бы написать спокойно-восторженную рецензию, целиком опираясь на славу и авторитет Натали Саррот. Можно было бы, если б сборник не являлся самой настоящей художественной провокацией, которая имеет непосредственное отношение к проблемам русской литературы конца века. К тому же 97-летняя провокаторша — это круто, так же как и 97-летняя авангардистка. Почти оксюморон.

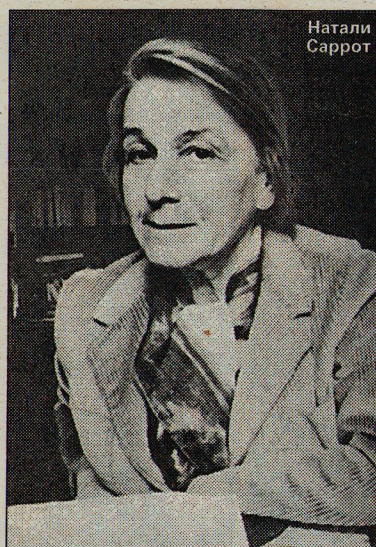
А между тем эта проза действительно содержит внутри себя провокацию с яркими проблемами цинизма и создана по всем авангардистским рецептам, сформулированным самой же Натали Саррот в знаменитой статье «Эра подозрения», напечатанной в 1950 году и ставшей манифестом «нового романа». Та же борьба с Бальзаком, сюжетом и персонажем, который «восседал на троне между читателем и романистом как объект их совместного поклонения». То же погружение читателя в «некую субстанцию, анонимную, как кровь, в магму, лишенную имени, лишенную контуров».

Странно и даже страшно: проходит 45, 47 лет, а текст Саррот строится по однажды, раз и навсегда сформулированным рецептам. Какой-то «французский Пригов» преклонного возраста... Никакого развития собственного мето-

да, словно работает *автомат*, который изолирован от внешнего мира и производит одну и ту же «анонимную магму». Оба текста — и «Здесь», и «Откройте» — разбиты на маленькие главы, и в каждой из них автор атакует мир неподлинных слов, доказывает (иногда виртуозно) фиктивность речи и невозможность обычного письма: слова вторичны, а все главное совершается до них, в слова еще не одетое. В начале «Здесь», в первых трех главах, Саррот имитирует старческое забывание слов, силится и не может вспомнить (потом вспоминает) дерево *тамариск*, художника *Арчимбольдо*... Но это всего лишь игра, слово постепенно извлекается из ассоциативной ямы, подцепленное крючками смежных воспоминаний и ощущений. И одновременно деконструируется, если воспользоваться модным термином.

Все это так утонченно, но неминуем вопрос: а зачем это все? зачем бросать читателя в *магму*? хочет ли он того? согласен ли обращаться к собственному запасу впечатлений, к собственным ассоциациям, к чему и побуждает его Саррот? Ведь главное ее «подозрение» 1950 года заключалось в том, что *читатель хочет быть автором*, и ему надо в этом помочь.

В конце века, через 50 лет (одни круглые числа!), в ситуации торжества масскульта, сюжетности и фабульных клише программа «нового романа» и «антипроза» Саррот выглядят как причуда, никому не нужная и практически всеми отвергаемая. Ибо читателю конца XX — начала XXI века органически нужно обратиться не к собственным мыслям и ассоциациям, а удрать от них в какой-нибудь схематичный вымышленный мир, что и дает ему массовая культура, например, кино или ТВ. Мир, который в рамках некоего фундаментального постоянства (борьбы добра со злом, христианства с исламом, мужчин с женщинами, государства с населением и т.п.) создает в то же время иллюзорное ощущение новизны. Отсюда

Натали Саррот

феномен *серийности*, существующий не только в телефильмах: нужно, чтобы следующая война не была похожа на предыдущую, чтобы *вторая* президентская кампания отличалась от *первой*, чтобы новое политическое пугало казалось другим. Не желая разбираться в себе, боясь себя и своих мыслей, человек хочет слиться со схемой, чтобы потом эта схема была ему хотя бы понятна. Такова социальная функция масскульта. И образец поэтики «нового романа» в исполнении Натали Саррот, помещенный в сегодняшний контекст, четко показывает, насколько исчерпала себя та программа 1950-х, порожденная духовной ситуацией послевоенной Европы и основанная на вере в *индивидуального* человека, которого размолотла гитлеровская машина тотальной пропаганды (о сталинской Саррот знала, конечно, очень мало). К концу XX века *индивидуального* человека не стало окончательно и бесповоротно. То же самое относится и к писателям, которые тоже боятся самораскрытия, тоже прячутся за заборами жанров, клише и постмодернистских игр. Кстати, Саррот и сама в погоне за субстанцией, анонимной, как кровь, системати-

чески уходила от того, чтобы раскрыть перед читателями себя.

Это, так сказать, философский аспект. Но есть и другой, чисто литературный. Однообразие *экспериментального приема*, используемого на протяжении 50 лет, надоело. Писатель должен развиваться, а если этого нет, то возникает ощущение литературной смерти. Да, фигурное плавание в словесной магме, несмотря на возраст, производит впечатление виртуозной работы. Но всегда одно и то же, сколько можно? Это применимо и к Саррот, и тем более к многочисленным отечественным последователям программы борьбы с сюжетом и персонажем, играющим в слова с таким задором, словно они сами это придумали и только что. В этом контексте смерть Саррот в конце века выглядит символично: как конец «нового романа», как полное исчерпание всей антисюжетной программы. Они это начали, с ними это и завершается.

Самая значительная книга Саррот — роман «Золотые плоды», разоблачающий славу, внешние признаки успеха. Идея романа заключалась в полном произволе мнений художественной элиты, беспричинно превозносящей одних и столь же беспричинно хулящей других. Репутация выше создания. Это по существу тот же упрощенный мир с положительными и отрицательными персонажами. И, кстати, только сейчас, когда наши «тусовки» оформились и обрели силу, можно в полной мере понять сарказм Саррот.

Если применить идею «Золотых плодов» к ее последней книге, то сразу возникнет подозрение: **а не морочит ли она читателю голову?** И не предложила ли она *это* как сознательную мистификацию, которую публика будет обречена принять с восторгом, коль скоро автор — почти столетний классик? Нет ли в этом циничной игры? И не обнажен ли тем самым механизм функционирования культуры XX века, самая его суть, состоящая в том, что «раскручивается» имидж, а

художественная продукция (как дело вторичное) оценивается в соответствии с этим имиджем? (Примеров, кстати, можно привести сколько угодно: от Андрея Битова и Виктора Пелевина до Александра Сокурова.) Не случайно же тексты «Здесь» и «Откройте» таковы, что сказать про них можно все что угодно: старческая графомания, маразм, художественная провокация, литературный шедевр, продукция инфантильной памяти, виртуозное проникновение в предсловесную сферу мышления... Я спрашивал у многих — не знает никто.

На самом деле это *смерть литературы*, если про нее нельзя что-либо сказать с определенностью, отличая графоманию от неграфомании. Кажется, Саррот и сама это поняла, во всяком случае, занявшись деконструкцией сакраментальной фразы «хочу быть писателем», она передала ностальгию по тем временам, когда «хотеть» и «быть» разделялись препятствиями, в конце XX века уже не существующими: «Здесь мгновенно все исчезает, и возникает высокое сооружение, обнесенное глухими, непреступными стенами из какого-то темного, гладкого материала... со всех сторон видны железные приставные лестницы, ведущие наверх, под купол, где восседают Писатели. Ни на минуту не останавливаясь, дрожащие человеческие фигурки поспешино карабкаются, цепляясь за железные перекладины, лезут все выше и выше, срыгаются... Кто-то, упав с самого верха, лежит искалеченный, кто-то, оправившись от падения, встает и начинает карабкаться снова, из последних сил...»

Я сразу представил себе советские времена и штурм твердыни с надписью «СП СССР», стены которой были сделаны из темного, очень гладкого и очень противного на ощупь материала. И дрожащие от напряжения фигурки, и покалеченные тела... И — по контрасту — представил ту демократическую простоту (Саррот наверняка о ней тоже думала), с какой писателями становятся сейчас, в конце XX века: написал *не-что*, вывесил *это* на всемирный интернетовский забор и — все, остается только заниматься саморекламой. Это литература для всех, которой может заняться любой. Даже падать неоткуда.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ